

*Посвящаю моей матери Хелен
и памяти моего отца Сига*

Благодарности

На протяжении работы над этой книгой меня поддерживали множество людей, и несколько сообществ помогли этому проекту воплотиться в жизнь.

Я благодарю моего редактора Норриса Поупа за его интеллектуальное участие, профессионализм и доброту. Я также признателен Эмили-Джейн Коэн и всем сотрудникам Стэнфордского университета за их заботливое отношение к книге на всех этапах ее создания.

Я благодарен Лихайскому университету за время и ресурсы, предоставленные мне для осуществления этого исследования. Отделение английской филологии предоставило мне академический отпуск и обеспечило необходимое финансирование, которое было щедро дополнено факультетскими грантами на исследования и стипендией фонда Франца и выпуска 1968 года. Дороже любых денег — интеллектуальное товарищество коллег с английского и других отделений университета. Моя отдельная благодарность — Джону Петтигрю за многочасовые вдохновляющие беседы об американском радикализме, модернизме и о Дос Пассосе, а также за то, что он великодушно отложил собственную работу, чтобы ознакомиться с итоговой рукописью моей книги. Дон Китли оставила ценные отзывы на несколько глав, и я бесконечно благодарен ей за сотрудничество и дружбу. На различных этапах этого проекта мне оказали неоценимую помощь Кристиан Сайзек, Крис Роуб и Боб Килкер: мне повезло, что столь одаренные исследователи помогли мне в начале своей научной карьеры. Я в долгу перед многими студентами и аспирантами Лихайского университета, участвовавшими в моих семинарах по американскому модернизму: их энтузиазм и проницательность

позволили воплотить этот проект в жизнь и обострили мое мышление.

Я выражаю глубокую благодарность Грегу Фортеру и Фреду Мотену за их внимательное прочтение моей рукописи. Поняв намерения, преследуемые мною в этом проекте, они дали мне важные советы о том, как воплотить их наиболее полно, и помогли сделать эту книгу лучше. Многие другие люди читали отдельные части рукописи, поддерживали мой труд и давали мне профессиональные советы. Я хочу поблагодарить, в частности, Брента Эдвардса, Джорджа Липсица, Кейси Нельсона Блейка, Майру Джелен, Билла Маллена, Джудит Батлер, Венди Браун, Хайдена Уайта и Джима Клиффорда. Я был очень рад найти в Ассоциации психоанализа культуры и общества коллектив ученых и клиницистов, считающих, что социальноориентированный психоанализ может быть практикой освобождения и восстановления социальной справедливости. Моя особая благодарность — Линн Лейтон, Саймону Кларку и Марку Брачеру за отклики на мою работу, а также Элизабет Янг-Брюль за ее поддержку.

Некоторые части этой книги взяты из моей докторской диссертации, и я хочу выразить благодарность членам моего диссертационного комитета в Калифорнийском университете в Беркли: Кэролайн Портер — за ее веру в этот проект и за ее вдохновляющие работы; покойному Ларри Левину — за щедрый дар радостной беседы и за то, что он многому научил меня в области истории культуры; Сью Швейк — за ее идеализм и приверженность силе поэзии; и покойному Майку Роджину, который также был воспитан в левой среде и показал мне новые способы изучения и развития левой традиции. Я благодарен еще многим людям, связанным с Калифорнийским университетом; их больше, чем я могу здесь перечислить, но я хочу особенно поблагодарить мою сестру по духу Джоди Левен и Дэнни Кима за годы дружбы и наши интенсивные дискуссии. Барбара Леки, Фрэнни Нудельман, Бен Райсс, Сьюзен Кортни, Дэвид Казанджян и многие другие друзья и коллеги научили меня мыслить о литературе, политике и психоанализе более ясно. Я благодарю Хильду Кларк

за ее пронизательность, которая помогла этому проекту осуществиться. Мои братья и сестры из Ассоциации работающих аспирантов при Объединенном профсоюзе автомобильных рабочих укрепили мою веру в силу солидарности и в демократию на рабочем месте. Знания, полученные мной от них и вместе с ними, нашли отражение на этих страницах.

Я благодарю своих товарищей из многих стран мира, участвовавших в Дискуссионной группе социалистов Оксфордского университета: наши обсуждения демократических альтернатив капитализму оказали значительное влияние на эту книгу. Я особенно благодарен Робину Арчеру, Хансу-Иоганну Глоку, Адаму Стейнхаузу, Притаму Сингху, Мине Дханде и Юли Тамир за вдохновляющие разговоры на эту тему на протяжении многих лет. За поддержку в течение еще более длительного периода я благодарю Нила Долана, спорившего со мной о модернизме и обо всем остальном, Тома Нолана, разделившего мою любовь к Дос Пассосу и мои надежды на радикальное сообщество, Дэвида Крисмана — за его деятельную поддержку творческой жизни. Я также благодарен всем им за их дружбу и чтение моей работы. Бен Натанс предоставил мне жилье и был мне близким другом, коллегой, собеседником, читателем и советником.

Наконец, я хочу поблагодарить мою семью за ее безграничную любовь, поддержку и вдохновение. Я надеюсь, что эта книга верна духу моего деда, Джозефа Моглена, социалиста, профсоюзного активиста и интеллектуала из рабочего класса, который научил меня мечтать о справедливости. Мой отец, Сиг Моглен, предложил мне прочесть «США» Дос Пассоса, когда мне было 14, а десятилетия разговоров с ним о политических надеждах и разочарованиях, о личной и социальной уязвимости и о силе художественного слова определили мою работу над этой книгой от первой до последней страницы. Я приношу ему свою благодарность за его любовь и дружбу; его смерть поведала мне об утрате и о скорби больше, чем что бы то ни было. Я благодарен моему брату Эбену за непрерывную интеллектуальную стимуляцию, за его материальную щедрость и профессиональную поддержку и за его любовь. Мой брат Дэймон был моим первым товарищем

и образцом для всех остальных: я не в силах выразить свою благодарность ему за его любящую солидарность, его дружбу, его веру в меня и его участие в моей работе, его бойцовский дух и внушаемое им вдохновение. Шейла Намир возникла рядом со мной как по волшебству, и я благодарен ей за внимательное прочтение моей работы и за любовь, направлявшую этот труд. Моя мать, Хелен Моглен, внесла в этот проект наибольший вклад. Ее любовь всегда поддерживала меня. Я вдохновлялся ее любовью к литературе, ее даром учителя и исследователя, ее жадной справедливости и ее талантом поддерживать политические сообщества. Она также отложила свою работу, чтобы читать мою, черновик за черновиком. Она научила меня тому, что значит быть литературоведом, и как наставник, редактор, коллега и друг помогла мне найти собственный путь. Я посвящаю эту книгу ей и памяти моего отца.

Кристин Хендлер всегда и во всем была моим верным спутником. Она читала черновики каждой главы; она обсуждала со мной все мои доводы; она верила в эту работу и помогала мне преодолевать возникавшие сложности. Я выражаю ей глубочайшую благодарность за ее любовь, за радость и за все, что мы за эти годы разделили на двоих.

Введение

Перед вами книга о политическом отчаянии и политической надежде. Это исследование культурной и психологической динамики, на протяжении прошлого века вселявшей в часть американцев ощущение, что самые разрушительные силы, действующие в обществе, непреодолимы, а их собственные упования на более гуманное жизнеустройство тщетны или же по-детски наивны. Это также исследование тех ресурсов, что давали другим американцам возможность предлагать и продвигать эмансипационные альтернативы. Политическая надежда, как и политическое отчаяние, не бывает продуктом рационального расчета; социальные обстоятельства также не порождают их напрямую. Скорее, это культурные практики, воплощающие собой разные психические реакции на социальную несправедливость и причиняемый ею ущерб. В этой книге я пытаюсь выяснить, откуда возникли эта надежда и это отчаяние.

Мое исследование будет сосредоточено, в частности, на том, как жители США начала XX века воспринимали капиталистическую трансформацию общества и как они на нее реагировали. Многим из них развитый капитализм представлялся источником благ: фантастических новых технологий, будоражащей городской жизни, немислимых прежде удобств; он обещал им социальную мобильность и материальное благополучие. Вместе с тем миллионы сознавали, что новый экономический порядок наносит обществу чудовищные травмы: ширится эксплуатация, растет социальное и материальное неравенство, предаются демократические принципы — и за всем этим сквозит всепроникающее чувство отчуждения.

Та литература формального эксперимента, которую мы теперь называем модернистской — возможно, самая известная литературная традиция из возникших в США, представляет собой прямой ответ на эту социальную трансформацию. Отправное утверждение этой книги состоит в том, что в основе американского литературного модернизма лежит работа скорби перед лицом разрушительных последствий современного капитализма, и в первую очередь — вызванного им кризиса отчуждения. Писатели-модернисты выстроили новые культурные практики для работы с болью, разочарованиями и ущербом, выпавшими на долю тех, кому довелось жить в растущем центре мирового капитализма. Эта работа по переживанию горя была глубоко неоднородна. Одни авторы не были готовы назвать по имени ту социальную динамику, что породила документируемое ими страдание. Они изображали кризис современности как загадочную и неизлечимую травму, и печаль их была меланхолическим душевным параличом, воплощавшимся в прекрасном и пронзительном отчаянии. Другие же находили вполне ясные определения для разрушительной динамики, действующей в обществе. Таким образом, их переживание горя обретало полноту, позволявшую им представлять, как тот человеческий потенциал, что оказался не востребован в эпоху модернизации, сможет получить поддержку и содействие в обществе более справедливом.

Таким образом, существует два американских модернизма. Они сформировались бок о бок друг с другом, во взаимном напряжении и диалоге, и вместе составили одну из важнейших дискуссий в культуре США XX века. В центре этой дискуссии было страдание, сопутствующее современному капитализму. Это был спор между теми, кто видел в отчуждении и несправедливости современной жизни отражение темных и неисправимых сторон человеческой природы, и теми, кто полагал, что эти бесчеловечные обстоятельства порождены деструктивным социальным устройством, которое может быть изменено. Эта историко-политическая дискуссия велась на предельно высоком эмоциональном и психологическом уровне. Два модернизма создали арену для столкновения тех, кто чувствовал, что их самые ис-

кренные желания — любви, социальной солидарности, менее отчужденного образа жизни — были изначально нереализуемыми иллюзиями, и тех, чьей главной целью было исследовать эти желания и представить, как они могут быть претворены в жизнь. Это было столкновение двух реакций на социальный кризис и коллективную травму: меланхолии и скорби.

За долгий период холодной войны американский литературный истеблишмент успел канонизировать одну сторону этой культурной дискуссии и предать забвению вторую. Два поколения критиков прославляли меланхолическую ветвь модернизма, видя в литературе отчаяния наиболее проработанный ответ на кризис современности. Их интересовали тексты, в большинстве своем созданные писателями из привилегированных слоев общества и выражавшие тревогу перед лицом современности, но уклонявшиеся от болезненных политических вопросов. Такие критики игнорировали модернизм скорби или принижали его значение, отказывая во внимании произведениям, отражавшим те психологические и культурные стратегии, что поддерживали в читателе надежду на политические изменения. К середине XX века это искаженное видение литературного модернизма утвердилось окончательно. Меланхолический модернизм оказался изолирован и институционализирован как важнейший ответ высокой культуры на ущерб, нанесенный капиталистической модернизацией.

В последние 20 лет¹ новое поколение исследователей горячо критикует узость установленного модернистского канона. Эти ученые, чьи работы сегодня относят к «новым исследованиям модернизма», вернули в общий контекст многих прежде вытесненных из него писателей и позволили нам увидеть это влиятельнейшее литературное течение во всем его расовом, гендерном, классовом, сексуальном и политическом многообразии. Высветив его, новые исследования модернизма сделали возможным восприятие более широкой и более конфликтной дискуссии, лежащей в основе американского модернизма. В этой книге я пытаюсь подобрать имя для этой фундаментальной дискуссии и очертить

¹ Книга была впервые опубликована в 2007 году. — *Примеч. пер.*

ее политические, психологические и эстетические контуры. Я намерен показать, как динамическое противостояние двух ветвей модернизма повлияло на развитие американской литературы начала XX века в целом, равно как и на конкретные произведения, относящиеся к этому периоду.

Первая половина этой работы посвящена картографированию литературного поля США в указанный период. Я анализирую широкий спектр поэтических и прозаических произведений с целью продемонстрировать, как одни из них послужили формированию модернизма скорби, а другие — противоположной ему меланхолической традиции. Каждый из исследуемых текстов содержит в себе элементы обеих традиций, что сообщает им определенную внутреннюю двойственность, но во всех из них доминирующая тенденция очевидна. Во второй половине книги я пытаюсь выявить эти тенденции и обозначить две глубоко различные «структуры чувства», которые они воплощали.

В первой главе сформулированы исторические и теоретические основания моего исследования. В ней я рассказываю о связи модернизма с ростом монополистического капитализма в начале XX века, а также описываю принципиальные политические разногласия двух ветвей модернизма и последствия литературной канонизации, предпринятой в эпоху холодной войны. В попытке объяснить психологический конфликт, лежащий в основе этих политических разногласий, я предлагаю детальную теоретическую модель для рассмотрения различных способов проживания горя человеческим обществом. Эта модель, в значительной степени пересматривающая фрейдистские концепции скорби и меланхолии, делает данные психоаналитические термины достаточно гибкими для описания эмоционально-затратных и исторически разнообразных практик, посредством которых отдельные личности и целые сообщества реагировали на обширные и систематические социальные травмы.

Во второй и в третьей главах я в сжатом виде излагаю десяток важнейших модернистских текстов, демонстрируя отчетливые «структуры чувства», противоречащие основной традиции.

Вторая глава посвящена выявлению психологических, политических и эстетических аспектов меланхолического модернизма на основе четырех особо значительных его произведений (таких как «Бесплодная земля» Элиота, «И восходит солнце» Хемингуэя, «Великий Гэтсби» Фицджеральда и «Авессалом, Авессалом!» Фолкнера), а также еще двух текстов, не вполне вписавшихся в литературный канон холодной войны («Погибшей леди» Уиллы Кэсер и «Тростника» Джина Тумера). В третьей главе я обращаюсь к модернизму скорби — традиции, воплотившейся главным образом в произведениях авторов, занимавших маргинальные позиции в социальной структуре США. Речь в ней пойдет о книгах «Их глаза видели Бога» Зоры Нил Хёрстон, «Цветение жезла» Хильды Дулитл (Х. Д.), «Йоннондио» Тилли Олсен, а также о поэзии Лэнгстона Хьюза, но вместе с тем и о некоторых текстах, созданных представителями более привилегированных классов, включенными в модернистский канон раньше.

Первая часть книги посвящена, таким образом, демонстрации политического, психологического и эстетического противостояния двух ветвей модернизма, которое осталось в тени критических дискуссий эпохи холодной войны. Во второй части книги я перехожу к исследованию того, как два стоящих за ними импульса соперничали друг с другом в рамках одного художественного текста. В самом деле, меланхолия и скорбь, политическое отчаяние и политическая надежда могут бороться друг с другом в рамках отдельно взятого произведения культуры — как и внутри индивидуального сознания — точно так же, как это происходит в человеческом обществе. Хотя в большинстве литературных текстов эта борьба и разрешается в пользу одной из сторон, им почти всегда свойственна эмоциональная и стилистическая амбивалентность. На теоретическом уровне я хочу подчеркнуть, что различие между меланхолией и скорбью не должно пониматься как бинарная оппозиция: речь скорее идет о двух психологических тенденциях в процессе переживания горя. Разграничить эти две тенденции необходимо потому, что их психологические последствия радикально отличаются, а в контексте человеческого общества у каждой из них возникают свои поли-

тические импликации. Однако обе они существуют во взаимном напряжении, и мне кажется важным разглядеть эту динамическую борьбу в любой форме переживания горя — в том числе в литературных произведениях. С этой целью во второй части книги я предпринимаю детальное исследование работы скорби, осуществленной одним из писателей-модернистов.

Для этого исследования я выбрал знаменитую и вместе с тем недооцененную трилогию Джона Дос Пассоса «США», поскольку из всех произведений американской литературы она наиболее полно и зримо отображает конфликт двух ветвей модернизма. Каждый модернистский текст так или иначе воплощает этот конфликт, но в большинстве из них один из двух импульсов всегда преобладает настолько, что сообщает другому характер случайной, приглушенной, уходящей в небытие контртенденции. В противоположность этому, исключительный репрезентационный эксперимент, предпринятый Дос Пассосом в «США», позволил ему воплотить оба эти импульса полностью, системно и в формальной изоляции друг от друга. На уровне содержания «США» с особой выразительностью демонстрирует политические импликации этих двух стратегий. Разделяя общемодернистскую озабоченность перед лицом порожденного капитализмом отчуждения, трилогия Дос Пассоса поднимает вопрос о возможности исправить это социальное зло посредством радикального политического действия. Защищая свою надежду на демократическую и эгалитарную политическую трансформацию в контексте усиливающихся преследований и растущего разочарования, Дос Пассос создал произведение, формально и психологически структурированное постоянным колебанием между скорбью и меланхолией.

В четвертой главе я рассказываю, как сам Дос Пассос переживал кризис модернизации, и детально исследую причины его увлечения антикапиталистическими движениями. Это современный, свободный от оптики холодной войны анализ тех политических вызовов, с которыми сталкивался автор наравне с сотнями тысяч американских радикалов. Рассматривая его работу над «США» в сложном динамическом контексте этого периода поли-

тической истории Америки, я полагаю, что Дос Пассос пытался подвергнуть работе скорби политические преследования эпохи «Красной угрозы» 1910–1920-х годов. Я показываю, как отразился на этой работе кризис, возникший внутри левого движения из-за сталинских репрессий в СССР. В пятой главе я рассматриваю биографические стихотворения в прозе из «США» в качестве наиболее выразительных текстов модернизма скорби. В этих формально экспериментальных биографиях Дос Пассос отдавал дань памяти радикалам, пострадавшим в период «Красной угрозы». Посредством своей работы по переживанию горя он ввел чаяния этих людей в живую традицию, которую могли перенять и продолжить будущие поколения читателей. В шестой главе я рассматриваю отрывки из «США», в которых Дос Пассос прибегает к детерминистским и мизантропическим стратегиям литературного натурализма, и демонстрирую их меланхолический характер. Дос Пассос использует эти стратегии с тем, чтобы подчеркнуть неизбежность провала левого движения и отвергнуть те политические надежды, которые он сам культивировал в своих биографиях радикальных деятелей. В заключительной части книги я коротко анализирую авторские отступления из трилогии («Камеры-обскуры») с тем, чтобы вновь обратиться к масштабному политическому и психологическому конфликту, имевшему столь судьбоносные последствия для американского левого движения — и определившего культурную структуру американского модернизма.

Выработка и адаптирование стратегий переживания горя являются одними из ключевых задач всякой культуры. Утраты постигают каждого из нас, и то, как мы их переживаем, имеет как индивидуальное, так и коллективное измерение. Мы научаемся преодолевать горе, вызванное смертью близкого человека, безответной любовью, личной обидой или разочарованием. Мы также осваиваем способы справляться с подчас обескураживающими утратами и травмами, причиняемыми социальным порядком, в котором мы живем. Всякое сообщество, которому наносится серьезный ущерб, оказывается вынуждено отыскать или

изобрести практики переживания горя, каковые должны помочь ему понять, что именно было утрачено его участниками, утвердить отвергаемые аспекты самосознания, найти выход для своего гнева, и в конечном счете выжить. То, как мы переживаем горе, имеет прямое отношение к тому, насколько полной жизнью мы способны жить. Скорбь — это не только способ отдать дань памяти тому, что осталось в прошлом. Это также способ почтить то, что продолжает жить внутри нас, и проецировать в будущее наши нереализованные возможности. В начале XX века американцы изобрели небывалые новые практики для переживания страдания, порожденного социально-экономической трансформацией такого масштаба, что границы ее едва ли было возможно нащупать. В художественной культуре эти практики переживания горя получили название модернизма. Некоторые из них — выразительные, но вместе с тем и загадочные — широко распространились и достигли значительного культурного влияния. Другие же долго оставались в забвении, но по-прежнему хранят в себе ресурсы для поддержания надежды на будущее, в котором фрустрированный и отвергнутый человеческий потенциал сможет полноценно раскрыться. В своей книге я исследую эти практики социального переживания горя, чье динамическое взаимодействие сформировало литературу модернизма. От того, насколько глубоко мы осознаем их противостояние, продолжающееся и сегодня, зависит и то, какое общество мы сами будем способны вообразить и построить.

Часть I

ДВА
МОДЕРНИЗМА

Глава 1

Модернизм и утрата

Два ответа на американский капитализм

В основе литературы американского модернизма, как известно, лежит тема утраты. Это с самого начала признавалось как самими авторами, которых мы теперь называем модернистами, так и их читателями. К 1926 году Гертруда Стайн имела все основания заявить Эрнесту Хемингуэю: «Все вы — потерянное поколение», — а тот счел уместным и по-своему почетным поместить эти слова в эпиграф своего первого крупного произведения словно бы в виде траурной повязки, знака причастности к некоему скорбящему братству. Пятнадцатью годами позже Альфред Казин суммировал то, что было уже неоднократно замечено о писателях-модернистах США: «Потерянные и бесконечно пишущие историю своей потерянности, они стали специалистами в страдании»¹. Хотя эти формулировки уже превратились в клише, они остаются по-своему выразительными, напоминая нам о важных вещах: о том, что множество авторов той эпохи столкнулись с утратами столь фундаментальными, что построили на них свою идентичность; о том, что они потеряли так много, что *сами* ощущали себя потерянными — сбитыми с толку, списанными со счетов, отрезанными от традиций и устоев общественного строя, который, казалось, тоже вот-вот распадется. Эти формулировки также подводят нас к другому не менее важному замечанию: переживая свои лишения каждый по-своему, модернисты осо-

¹ См. [Kazin 1956: 241].

знавали, что причиняемые им травмы имели коллективный, социальный характер. Они чувствовали себя тяжелоранеными, понимая при этом, что они не одиноки в своем горе и что раны их не скрыты полностью от посторонних глаз. Целое человеческое поколение (и даже более того) было потеряно — и писатели взяли на себя труд поведать об этом коллективном опустошении.

Об истоках чувства потери у модернистов рассказано много разного. Так, до какого-то времени изначальной травмой «потерянного поколения» литературоведы считали Первую мировую войну. Однако давно стало очевидно, что война со всей своей катастрофичностью была лишь верхушкой айсберга, а перебравшиеся из США в Париж «люди 1914 года» составляли небольшой процент среди пострадавших в кораблекрушении. Как и некоторые другие исследователи, я хочу начать с простой бытовой догадки: модернизм в художественной культуре, в литературе в том числе, возник в ответ на беспрецедентную экономическую трансформацию. Начиная с первой половины XIX века бурный рост индустриального капитализма разрушал традиционный общественный уклад, подрывая существующие формы солидарности и сложившиеся социальные иерархии. Уже в первых своих проявлениях формирующиеся тогда в мире модернистские движения пытались отразить амбивалентное восприятие этой трансформации².

Литература формального эксперимента, называемая теперь американским модернизмом, возникла как реакция на конкретный этап процесса капиталистической трансформации. Она была ответом на резкое изменение масштабов промышленного производства и товарообмена в контексте все большей глобализации рынков, обусловленной давлением расширяющегося империализма и транснациональных финансовых потоков. Как современники, так и последующие комментаторы определяли эту

² Философ-марксист Маршалл Берман в своей важнейшей работе «Все твердое растворяется в воздухе» [Берман 2020] рассматривает модернизм (в широком историческом значении этого понятия) как амбивалентный ответ на капиталистическую модернизацию. О взаимосвязях между капитализмом и модернизмом см. также [Williams 1989b; Eagleton 1986; Jameson 2002].

фазу как переход от рыночного, или конкурентного, капитализма к капитализму монополистическому³. Подъем монополистического капитализма породил исключительные сложности когнитивного плана: накопленный жизненный опыт все меньше и меньше мог помочь людям в понимании обширных экономических структур, ощутимо и порой болезненно менявших их жизни. Беспрецедентные с точки зрения формы стратегии модернистского письма были попытками создать «когнитивные карты» этих социоэкономических структур, чье освоение не было возможным ни в рамках существующего индивидуального опыта, ни в прежних формах литературной репрезентации⁴. Как старались показать модернисты из числа представителей рабочего класса, эти когнитивные сложности вызывали особое отчаяние у уязвимого большинства, страдавшего от все более экономически эффективной и зачастую сопряженной с насилием эксплуатацией труда, характерной для монополистического капитализма. И вместе с тем не только жертвы эксплуатации оказывались подчас не в состоянии понять, что с ними происходит. Представители привилегированных классов точно так же обнаруживали, что и они сами, и их социальные связи претерпевают кардинальные изменения, которым сложно подобрать имя и которых так же сложно избежать. По мере того как логика рынка проникала практически во все сферы жизни и люди на всех уровнях общества стремились к удовлетворению все новых и новых желаний, включая самые интимные, сама человеческая

³ Так, Дос Пассос объяснял Малкольму Коули, что его экспериментальное письмо было попыткой зафиксировать перемены, произошедшие в жизни американцев в связи с переходом от «конкурентного» к «монополистическому» капитализму. См. [Ludington 1973: 404]. Материалистический анализ перехода от «рыночного» к «монополистическому» капитализму (и вызванных им культурных ответов) дается, например, в работах Ф. Джеймисона [Джеймисон 2019] и Д. Харви [Харви 2021].

⁴ Концепцию «когнитивного картирования» я позаимствовал у Джеймисона, внесшего выдающийся вклад в изучение модернизма своим настойчивым утверждением связи между модернистской формой (которая, к примеру, не слишком волнует Бермана) и когнитивными трудностями, вызванными капиталистической трансформацией. См. [Джеймисон 2014: 335–349].

субъективность стала казаться пересотворенной — с пустотой в самой своей сердцевине.

Занимаясь — на когнитивном уровне — картированием сложных социоэкономических структур, на уровне эмоциональном модернизм стремится зафиксировать психический ущерб, сопровождающий процесс экономической трансформации. Утрат было множество, и я не хотел бы говорить о них бегло. Однако я бы позволил себе такое — возможно, не вполне очевидное — замечание: писатели-модернисты США достаточно неожиданным образом сходятся в том, что они считают наиболее характерным симптомом этого болезненного процесса. Все они так или иначе дают нам понять, что модернизация породила прежде всего аффективный кризис — кризис возможности любить. Американские модернисты — я говорю не только об общепризнанных фигурах, но и о тех авторах из наименее социально защищенных групп, что были включены в литературный канон позднее, — фиксируют опыт растущего отчуждения, кризис способности к солидарности на общественном уровне и к эмоциональной и чувственной близости на уровне личном. В тот самый момент, когда американская литература начала придавать беспрецедентное значение романтической и в особенности сексуальной связи, модернисты настаивали на том, что сама способность к такой связи оказалась под угрозой.

Писателям той эпохи было достаточно сложно постичь масштаб исторических изменений, породивших это болезненное чувство отчуждения. Некоторым из них казалось, что их поколение было внезапно оторвано от надежного прошлого, где стабильный социальный порядок обеспечивал как общественное, так и личное пространство. Другие указывали на то, что динамика отчуждения нарастала на протяжении многих поколений и что их собственный опыт разочарования был следствием давно начавшегося, а теперь ускорившегося исторического процесса. В то время как некоторые полагали, что модернизация просто-напросто уничтожила прежние формы человеческого единения, другие сознавали, что они вовлечены в куда более парадоксальный процесс: нарождающийся социальный порядок вызвал к жизни

обостренные желания как личной близости, так и более справедливого и комфортного социального устройства и одновременно поставил эти желания вне закона.

В своих попытках разобраться с тем, как трансформация мирового экономического порядка была связана с их личным чувством тревоги, американские модернисты исследовали кризис отчуждения многими способами, в том числе фокусируясь на различных общественных процессах. Большинство из них осознавало, что экономические изменения привели к революции в гендерно-половой системе. В одних писателей (в первую очередь писательниц) новые модели женственности вселяли надежду, в других — страх, и очень многие (как мужчины, так и женщины) ощущали связанный с этим кризис маскулинности, который, казалось, угрожал гибелью самой гетеросексуальной связи. Других заботил коллапс культурных и классовых иерархий, от которых, по представлениям элит, зависели социальная сплоченность и существующие модели верности и взаимовыручки. Многих модернистов — представителей рабочего класса волновало то, как растущая экономическая эксплуатация сказывалась на душевном и материальном состоянии рабочих, уродуя их семейную жизнь и высасывая из них либидинальную энергию, необходимую для полноценных аффективных отношений. Показательно, что модернисты из числа среднего класса изображали предельно товаризованные формы буржуазных амбиций и как социально-деструктивные, и как губительные для личной близости. Даже модернисты-афроамериканцы, занятые отображением патологий расовой системы США, фиксировали возникновение нового кризиса аффективности. Так, они уделяли особое внимание тому, каким образом все усиливающаяся классовая стратификация, что сопровождала массовую миграцию черного населения на север страны, создавала новые формы отчуждения внутри афроамериканских сообществ и новые препятствия для романтических отношений. Кризис отчуждения был еще более очевиден для модернистов, сознательно участвовавших в антикапиталистической борьбе (а таких было значительно больше, чем до недавнего времени предлагали считать историки литера-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru